о поведении Академической Канцелярии» (1764) об этом деле, Ломоносов писал: «По наговоркам Теплова отрешен был Ломоносов от присутствия в профессорском собрании; однако *при дворе*[35] законно оправдан и отрешение его письменно объявлено недействительным и ничтожным».[36]

Так закончилась эта громкая в стенах Академии наук история. Заседания, посвященные рассмотрению регламента, прекратились;[37] Ломоносову не удалось выступить с своей запиской об «исправлении С.-Петербургской Академии наук». Власть Теплова в Академии оказалась непоколебленной, а его регламент остался неизмененным. Враги Ломоносова разгадали истинный смысл его замыслов — необходимость разделения власти в Академии между президентом и его помощником и заместителем (вице-президентом), должность, которую Ломоносов предназначал для себя, чтобы иметь бо́льшую власть над «недоброхотами приращения наук в России». Билярский справедливо указывает, что «противники Ломоносова радовались тому, что отстояли регламент и полновластие президента, а Ломоносов в своей неудаче мог утешать себя тем, что не сделал ни малейшей уступки своим противникам и ничем не поплатился за то, что не сошло бы с рук даром никому другому».[38]

К этому можно добавить, что Ломоносов не только «ничем не поплатился», но восторжествовал и над Разумовским и над Тепловым: президент, очевидно, по указанию императрицы, должен был не только отменить свой приказ о Ломоносове, но и подтвердить ему необходимость сочинения панегирика Петру Великому, начатого еще в 1752 году, — честь по тому времени огромная.

Мы намеренно остановились так подробно на происшедшем в конце февраля 1755 г. столкновения Ломоносова с Тепловым, чтобы показать академическую обстановку того времени и обосновать исключительно враждебные личные отношения Ломоносова и Теплова в конце 1754 и начале 1755 годов. Помимо

---

[35] Курсив наш, — *Л. М.*

[36] П. С. Билярский, стр. 071; М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 290.

[37] «Все оное рассмотрение пресеклось коварными происками и наглыми поступками, которым самозванный сочинитель (т. е. Теплов, — *Л. М.*), а следовательно, и защититель оного регламента старался от него отвести высочайший указ», — так писал Ломоносов в записке, относящейся также к 1755 году (П. С. Билярский, стр. 437; П. П. Пекарский, т. II, стр. 576).

[38] П. С. Билярский, стр. 294; ср.: В. И. Ламанский, стр. 88. См также неверное и упрощенное изложение всего этого дела у П. П. Пекарского (т. II, стр. 573—578).